RES HISTORICA 52, 2021

DOI:10.17951/rh.2021.52.219-236

Stanisław Boridczenko
(University of Szczecin, Poland)
https://orcid.org/0000-0002-5343-5388
E-mail: esanius@gmail.com

Язык как символ. О языке надгробий Пружанского некрополя

Language and Symbol: on the Language Component of the Gravestone Inscriptions at the Pruzhany's Cemetery

Język i symbol. O języku inskrypcji nagrobnych na cmentarzu w Prużanie

ABSTRACT

The article is devoted to the cemetery of Pruzhany. The object of the study were inscriptions and gravestone symbols. The text is based on the analysis of materials obtained during the field study. The article uses quantitative and qualitative research methods, as well as comparative and philological analysis. A special attention was paid to the language in the context of social prestige, which made it possible to reconstruct socio-cultural

PUBLICATION INFO				
			e-ISSN: 2449-8467 ISSN: 2082-6060	OPEN ACCESS
THE AUTHOR'S ADDRESS: Stanisław Boridczenko, the Institute of History of the University of Szczecin, 71-79 Krakowska Street, Szczecin 71-017, Poland				
SOURCE OF FUNDING: Financial support from the Polish National Agency for Academic Exchange as part of the implementation of project no. PPN/WYM/2018/1/00001/ BLR01; grant of the Institute of History of the University of Szczecin.				
SUBMITTED: 2020.02.12	ACCEPTED: 2021.06.17		PUBLISHED ONLINE: 2021.12.28	
WEBSITE OF THE JOURNAL: https://journals.umcs.pl/rh			EDITORIAL COMMITTEE E-mail: reshistorica@umcs.pl	

processes in this territory. The studied tombstones are dated as covering two centuries: from the 19th to the 20th centuries (the limitary dates being: 1830 and 1970).

The analysis revealed the languages that dominated over the grave inscriptions in the period studied: Polish and Russian. At the same time, it was noted, that after 1939 the Polish language began to lose its position. The text positively confirmed the original hypothesis of a direct relationship between the language of gravestones and religious affiliation and confirmed the assumption of the mutual influence of various funeral rites.

Key words: Pruzhany, cemetery, language of Gravestone Inscriptions, Polesie, prestige

STRESZCZENIE

Niniejszy artykuł został poświęcony cmentarzowi w Prużanie. W centrum uwagi znalazła się kwestia prestiżu (w socjolingwistycznym wymiarze) języków wykorzystywanych na inskrypcjach nagrobnych. Badanie umożliwiło rekonstrukcję skomplikowanych procesów społeczno-kulturowych, które wtedy odbywały się na terenie Polesia Zachodniego. Cezury czasowe z jednej strony wyznaczają lata trzydzieste XIX w., z drugiej zaś, lata siedemdziesiąte XX w.

Przeprowadzona analiza pozwoliła ujawnić języki, które dominowały na inskrypcjach nagrobnych miasta Prużana: tymi językami były język polski oraz język rosyjski. Jednocześnie zostało zauważone, że po 1939 r. język polski stopniowo zaczął tracić swoją pozycję. Tekst pozytywnie zweryfikował wstępną hipotezę o związku języka nagrobków z afiliacją religijną zmarłych oraz potwierdził założenie o wzajemnym wpływie różnych obrzędów pogrzebowych na ziemiach prużańszczyzny.

Słowa kluczowe: Prużana, cmentarz, język inskrypcji nagrobnych, Polesie, prestiż

ВВЕДЕНИЕ

Земли Северо-Западного Полесья, сегодня преимущественно моноэтничные, некогда были территорией сосуществования множества культур и этносов. В начале XX века на рыночных площадях местечек в воскресные дни можно было услышать пестрое многообразие языков и диалектов местного населения[1]. Глобальные перемены на этнической карте Северо-Западного Полесья произошли лишь после 1939 года: репрессии против „классовых врагов", целенаправленный геноцид „неполноценных" народов и послевоенный обмен национальными меньшинствами. Как результат, местные идиомы утратили свой статус средства коммуникации, уступая этот статус русскому языку.

Одним из источников знаний о малоизвестных аспектах жизни на этнически не монолитных территориях являются сохранившиеся до

[1] С жизнью местного населения более подробно можно ознакомиться в недавно переизданной монографии Александра Казимировича Сержпутовского. А. Сержпутоўскі, *Палешукі-беларусы: этнаграфічны нарыс*, Мінск 2017.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

сегодняшнего дня надмогильные памятники[2]. О росте заинтересованности научного сообщества данным предметом исследования на землях Полесья, ярко свидетельствует число публикаций с последних лет[3]. Более того, определенное число белорусских некрополей уже было описано с перспективы социолингвистических исследований[4].

Главная цель нижеизложенного текста – презентация результатов полевого исследования, проведенного на территории пружанского некрополя. В качестве объекта исследования было выбрано городское христианское кладбище. Предметом исследования стал язык (идиом) надгробных надписей (инскрипций) и символические элементы погребальной архитектуры в разных ее проявлениях. Особое внимание было уделено интент- и контент-анализу инскрипций, а также сравнительному и лингвистическому методам исследования. Перед началом исследования были установлены хронологические рамки, ограничивающие объем работы на месте: захоронения, появившиеся при жизни двух последних поколений, анализируемыми не были. Кроме того, из проводимых работ были исключены воинские захоронения погибших в обеих мировых войнах. Таким образом, нижеизложенный текст представляет результат исследования материальной культуры погребений жителей пружанщины, совершаемых в период времени между 30-ми гг. XIX века и 70-ми гг. XX века.

В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение о наличии тесной взаимосвязи между конфессиональной принадлежностью усопших и языком, выбираемым для выполнения инскрипций. Закладывается, что данное проявление идиома являлось скорее „язы-

[2] W. Werenicz, *Napisy nagrobne z Kojdanowskiego jako świadectwo stosunków etnicznych, społecznych i wyznaniowych na środkowej Białorusi*, w: *Język i kultura białoruska w kontakcie z sąsiadami: studia poświęcone Antoninie Obrębskiej-Jabłońskiej w stulecie urodzin*, red. E. Smułkowa, Warszawa 2001, s. 169–186.

[3] См. например, И. Синчук, *Сельский некрополь Полесья: Борисовское кладбище (Кобринский р-н Брестской обл. Республики Беларусь)*, „Вісник Львівського університету. Серія історична" 2019, Спецвипуск, s. 869–926; F. Czyżewski, *Antroponimia pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego w świetle inskrypcji nagrobnych*, cz. 1, *Słownik nazwisk*, Lublin 2013; M. Kojder, *Imiona męskie w inskrypcjach nagrobnych wybranych cmentarzy wschodniej Lubelszczyzny*, w: *Cmentarze po obu stronach Bugu*, red. H. Artkuszyn, F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, Włodawa–Lublin 2014, s. 203–214.

[4] См. например, W. Werenicz, *op. cit.*, s. 169–186; K. Konczewska, *Uwagi o polszczyźnie inskrypcji nagrobnych na Grodzieńszczyźnie*, „Acta Baltico-Slavica" 2014, 38, s. 68–88; J. Kozłowska-Doda, *Język polski napisów cmentarnych z Białorusi środkowej (rejon dzierżyński)*, w: *Kontakty językowe polszczyzny na pograniczu wschodnim*, red. E. Wolnicz-Pawlowska, W. Szulowska, Warszawa 2001, s. 109–122; I. Maryniakowa, *O języku inskrypcji nagrobnych na północnych Kresach*, w: *Studia nad polszczyzną kresową*, t. 10, red. J. Rieger, Warszawa 2001, s. 241–246.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

ком престижа", нежели языком повседневной коммуникации. Помимо этого, перед началом исследования было решено подвергнуть верификации предположение о присутствии на ряде элементов захоронений следов взаимовлияния разных языковых культур.

Термин „престиж" в данной статье используется в значении, характерном для социолингвистики. Таким образом он обозначает уровень уважения к конкретному языку в сравнении с иными. Исходя из историоцентризма текста, было принято решение о принятии данного понятия лишь в одном измерении, а именно измерении письменного языка.

Текст состоит из четырех частей – вступления, основной части, заключения и списка использованной литературы. Исходя из относительной слабоизученности пружанского кладбища (отдельно стоит отметить, что в 2019 году местной краеведкой, Ириной Садовой, была выпущена публикация, посвященная православной части некрополя[5]), главную часть поделено на два параграфа, каждый из которых посвящен отдельному аспекту освещаемой проблемы. В первом параграфе дается краткая характеристика кладбища и сжато описывается его история, а также рассматривается материально-символическое измерение сохранившихся надгробных сооружений. Параграф второй полностью посвящен презентации основных результатов произведенных анализов.

НЕКРОПОЛЬ ГОРОДА ПРУЖАНЫ

Как уже было отмечено во вступлении, в качестве объекта исследования были выбраны христианские кладбища города Пружаны: обряда католического и обряда православного. Места захоронения представителей разных ветвей христианства образуют единый некрополь (городское кладбище), т.к. располагаются в непосредственной близости и разделены лишь дорогой.

Точных дат проведения первых погребений в источниках обнаружить не удалось. Более того, в краеведческой литературе мнения на этот счет значительно отличаются. Однако, исследование на местности показало, что наиболее старые сохранившиеся надгробия относятся к 30-м гг. XIX века. На католической части городского кладбища это могила Раковской Людвиги, умершей 28 января 1836, а также Но-

[5] І. Сядова, *„Там, дзе няма ні болю, ні смутку, ні плачу...": Пружанскі праваслаўны некропаль*, Брэст 2019.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

вацкого Антония, умершего 13 февраля 1830. На православной – Владимира Карловича Берга, скончавшегося 23 октября 1848 и ряд слабо сохранившихся надгробий (на которых читаемые лишь отдельные фрагменты текста) датируемых 30–40-ми гг. XIX века. На сегодняшний день православная часть кладбища официально закрыта и на ее территории происходят лишь единичные дозахоронения. Католическая же часть, в значительной мере, и по сей день используется по прямому назначению.

Католическое кладбище, известное среди местных жителей так же под названием „польского кладбища", в плане представляет собою неправильный квадрат с общей площадью порядка 17 000 квадратных метров. Православное кладбище имеет форму прямоугольника и занимает площадь в два раза большую, нежели католическое – около 35 000 квадратных метров.

На основании картографических материалов и опроса местных жителей удалось отследить территориальную трансформацию некрополя. До начала XX века погосты располагались за городской чертой, в пределах предместья Горки, по обеим сторонам от дороги, соединяющей западную окраину города с деревней Плебанцы. С ростом численности населения городская застройка стала приближаться к местам захоронения с северного направления (от улиц Хваткой и Брестской, ныне Ленина). В межвоенное двадцатилетие продолжалось увеличение численности городского населения. Именно тогда начали широко застраиваться участки к югу от кладбища. Однако наиболее значительные топографические изменения произошли уже после окончания Второй Мировой войны. Мелиорация заболоченных местностей, расположенных к западу и востоку от некрополя, а также взрывная урбанизация привели к массовой застройке окрестностей и появлению густой сетки улиц. Как итог, начиная с 80-х гг. XX века, некрополь со всех сторон окружен частной жилой застройкой. Расширение и асфальтирование хордовой улицы, которая проходит вдоль северной границы католической части городского кладбища, частично сузило его территорию. Более подробно территориальные изменения отображены на Рис. 1.

Отдельно стоит отметить тот факт, что в католической и православной частях некрополя располагаются захоронения военнослужащих, погибших в советско-польской, а также обеих мировых войнах.

Данные топографического исследования стоит хотя бы очень кратко соотнести с историей города. Пружаны в составе Российской Империи, в отличие от более крупных населенных пунктов, таких как Брест либо Гродно, никогда не были городом первостепенного

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

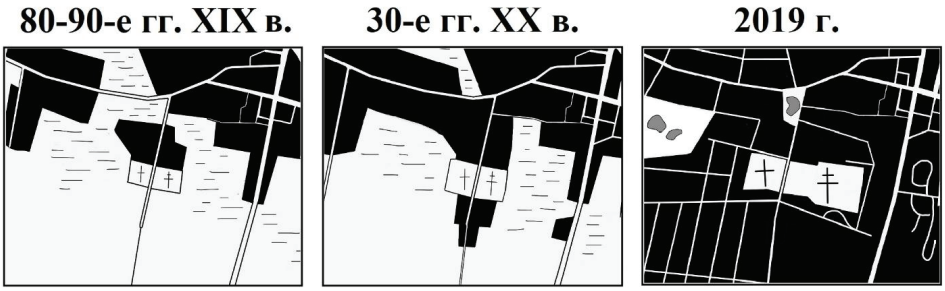

Рис. 1 План-схема территориальной трансформации окрестностей пружанского кладбища

значения. Находясь вдали от центральных путей сообщения двух столиц с польскими территориями и не являясь ни промышленным, ни административным центром, город был типично провинциальным[6]. Свидетельством подобного является пружанская архитектура. Даже в первые десятилетия XX века в городе существовало лишь очень ограниченное число построек из кирпича либо камня, которые, как правило, выполняли общественные функции. Мощный урон по потенциалу города, между прочим, был нанесен прокладкой магистральной железнодорожной линии, соединяющей регионы центральной России с Варшавой, в отдалении от Пружан. Ситуации кардинально не изменило и вхождение города в состав Второй Польской Республики[7].

Подобная скудность в средствах, однако, отступала на второй план при выполнении похоронных обрядов состоятельных горожан. О роли, которой обладал культ погребения усопших, говорит тот факт, что многие находящиеся в некрополе надгробия обладают богатой декоративной составляющей и были выполнены из дорогих материалов (камня/чугуна/песчаника и т.д.). Важным свидетельством готовности зажиточных жителей к тратам при погребении родственников также является тот факт, что часть установленных памятников была заказана в мастерских Варшавы и Гродна, о чем свидетельствуют сохранившиеся до сегодняшнего дня гравировки мастеров-изготовителей. На территории некрополя находятся надгробия, выполненные в разных стилях: романтизма, эклектики и конструктивизма.

[6] M. Rozanów, *Powiat Prużański (szkic historyczny)*, Brześć–Lublin 2011, s. 99–118.
[7] Z. Hołub-Pacewiczowa, *Z geografji prużańszczyzny*, „Ziemia" 1935, 6/7, s. 111–120.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

Кроме стандартных надгробных стел и классических крестов, места захоронения представителей местной элиты отмечены памятниками в виде колонн, а также малыми гробницами, украшенными скульптурными композициями (как правило, подобные архитектурные формы встречаются на католической („польской") половине некрополя). На незначительном числе могил были обнаружены литые чугунные кресты и иные малые архитектурные формы, выполненные из металла. С определенной долей вероятности можно предполагать, – первоначально подобный тип намогильных конструкций был гораздо более многочисленным, особенно на могилах конца XIX – начала XX века. Однако разрушительное действие времени вместе с влажным климатом и могильными мародерами привели к снижению их первоначального числа. На сегодняшний день в удовлетворительном состоянии сохранилось лишь несколько надгробий, выполненных из металла. Еще от нескольких десятков остались лишь бетонные основания (с характерными креплениями, предназначенными для металлических элементов), либо незначительные элементы цокольной части.

Стоит отметить, до 20-х – 40-х гг. XX века вышеописанный тип долговечных захоронений был свойственен лишь для представителей привилегированных классов: шляхты, духовенства и наиболее зажиточного мещанства. Параллельно с похоронной традицией, следы которой в виде надгробий сохранились до наших дней, и которая начала широко распространяться на территории белорусских губерний в XIX веке, существовала и иная – народная. Менее зажиточные слои населения, как правило, могли позволить себе лишь на установку недолговечных деревянных крестов (о чем, например, свидетельствует Евгений Франковский[8]), характеристичным элементом которых были т.н. „нарубы"[9]. Однако, начиная с середины XIX века, представители зажиточного крестьянства и широкие круги городского населения стали стремиться к установке более долговременных надгробий. Первоначально (т.е. начиная со второй половины XIX века), это были кованные (а не литые) кресты, иногда – валуны с грубо нанесенными надписями и символикой. В начале двадцатого столетия широкое распространение получили стелы из кирпича с декоративными элементами, выполненными из бетона, либо чугуна. С 60-х гг.

[8] E. Frankowski, *Krzyże kamienne i domki drewniane na cmentarzach poleskich*, „Ziemia" 1925, 8, s. 132–136.

[9] Г. Цыхун, *Полесские нарубы (лингвоэтнический аспект)*, w: *Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)*, red. С. Толстая, Москва 2004, s. 466–475.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

XX века доминирующим типом надгробий стали профессионально выполненные памятники из бетона и гранитной крошки.

Отдельно стоит подчеркнуть – вышеописанная социальная дифференциация представителей разных классов исчезла с моментом присоединения Западной Беларуси к Советскому Союзу. Захоронения, созданные после 1939 года на обоих частях кладбища, являются максимально утилитарными. Проведенная датировка ясно указала – после начала Второй Мировой войны не было установлено ни одного дорогостоящего памятника (например, выполненного из натуральных материалов с привлечением труда высокооплачиваемых специалистов). Можно даже утверждать, что дошло до частичной деградации похоронной культуры. Памятники избавились от многих декоративных элементов, стали меньше в размерах. Одновременно с этим явственно прослеживается языковая трансформация – надписи на православных стелах после 1939 года становились все более обширными, на католических же наоборот, укорачивались (например, исчез стандартный элемент упоминания о числе прожитых усопшим лет/исчезли упоминания девичьих фамилий и т.д.).

В контексте исследования особое внимание привлекли проявления взаимовлияния разных культур (культуры католической и православной, а также христианской и дохристианской). Несмотря на то, что некрополь поделен на две части, исходя из конфессионального принципа, некоторые из элементов повторяются от памятника к памятнику – как на православной, так и на католической половинах. Как правило, это символы вьющегося плюща, дубовых листьев и солярные элементы. Упомянутый плющ и дуб являются элементом, характерным для надгробий состоятельных жителей (и что важно, элементом широко встречающимся на всех европейских некрополях XIX века). Для могил представителей менее зажиточных слоев была характерна несколько иная символика, которая во многом является проявлением дохристианских традиций[10]. На ряде памятников, установленных вплоть до 60–70-х гг. XX века, встречаются характеристичные солярные элементы (см. Рис. 2). Как правило, они сочетаются с типично христианским символом креста.

Одно из бесспорных проявлений взаимопроникновения разных конфессиональных обычаев – размещение на православных захоронениях акронима „С.П.", либо „С.† П.", который является прямым калькированием польского „Ś.P.". Отклонением от характерно поль-

[10] Э. Зайкоўскі, *Салярная сімволіка*, w: *Міфалогія беларусаў: Энцыкляпэдычны слоўнік*, red. С. Санько, Мінск 2011, s. 570–571.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

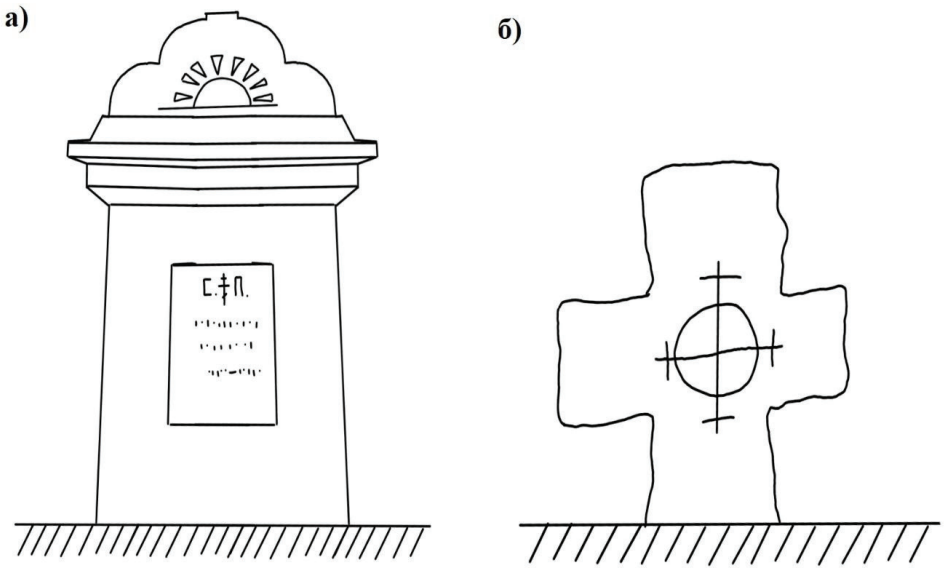

Рис. 2. Солярная символика надгробий

ской аббревиатуры стало использование в ней символа шести-, либо восьмиконечного (православного) креста вместо четырехконечного (католического). Данная символика встречается на православных захоронениях вплоть до 70–80-х гг. XX века. Однако, начиная с 40-х гг. XX века подобный акроним становится все более редко используемым. Наиболее часто данный элемент встречается на надгробиях с межвоенного периода (в среднем, в 5 на 10 случаях). Кроме этого, на ряде надмогильных памятников встречаются более распространенные на территории католическо-православного пограничья аббревиатуры З.П. (заупокойной памяти) и В.П. (вечной памяти).

Подтверждением локальности данного обычая служат надмогильные плиты, которые были установлены на местах захоронения усопших не местного происхождения. Среди могил, подтверждающих разницу, стоит отметить следующие: инспектора Ловичского реального училища, статского советника Константина Ивановича Кургановича, полковника Ивана Афанасьевича Болтунова, артиллерии поручика Владимира Карловича Берга и порядка трех десятков иных (часть из которых принадлежит особам, умершим в сталинскую эпоху). На всех отсутствует характеристичный акроним.

Интересной темой является уровень вариативности, а также территориальных и хронологических границ проникновения подобного

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

обычая. Как мы надеемся, в будущем данный вопрос дождется более подробного анализа.

ЯЗЫК НАДГРОБИЙ

Перед описанием результатов интент- и контент анализа видится необходимым представить характеристику анализируемых материалов: их вариативность, обширность и частоту.

Проявление языковой культуры подверглось исследованию на примере инскрипций. Из надгробных надписей, в целях исследования, было решено выделить две составляющие: данные об умершем (имя, фамилия, даты рождения и смерти) и „эпитафии" (все остальные текстовые надписи).

Данные об умершем, как правило, представлены в двух вариантах – развернутом и стандартном. Развернутый состоит из: имени, фамилии, годов жизни, числа прожитых лет, девичьей фамилии, места рождения, профессии и т.п. Подобный тип инскрипций преимущественно был используемым на католической половине некрополя, а также на дореволюционных захоронениях наиболее состоятельных православных. Стандартный вариант складывается лишь из имени и фамилии, а также даты рождения и смерти. Подобный подход наиболее типичен для православных захоронений. На католической половине некрополя он начал преобладать с 50-х гг. XX века.

Эпитафии в качестве отдельного текстового элемента вплоть до 40-х гг. XX века являлись элементом характерным лишь для католических погребений. Данная ситуация изменилась в середине 40-х гг. XX века – эпитафии широко проникли на погребения православного обряда. Одновременно с этим начался процесс языковой деградации католических надгробий: эпитафии становились все более краткими и стандартными. Начиная с обозначенного промежутка времени, их главной составной частью, на обоих частях некрополя, стало перечисление тех, кто воздвиг памятник („от детей и внуков"/„от детей, внуков и правнуков"/„от сына и внуков" и т.д.), а также краткие пожелания вечного покоя усопшему („покой твоей душе"/„покойся с миром" и т.п.). Подобные изменения могут являться свидетельством проникновения русской похоронной традиции и калькирования православно-русских надгробных речевых оборотов[11].

[11] K. Konczewska, *op. cit.*, s. 73.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

Ключевой вопрос при описании надгробных инскрипций – выявление временных этапов в контексте доминирования определенных языков. Стоит отметить, что использование какого-либо языка было слабо связано с фактом этнического происхождением усопшего. Это подтверждает количественный анализ встречающихся на пружанском кладбище фамилий, а также результаты всеобщей переписи населения Российской Империи с 1897 г. и переписей, проведенных польскими властями. В данном случае, ключевым значением обладали религиозные традиции и декларируемая культурная принадлежность[12].

В результате анализа языковой составляющей, на католической части кладбища удалось выделить три хронологическо-лингвистических этапа. Первый этап охватывает время от выполнения первых сохранившихся захоронений и до конца 40-х гг. XX века. Условно его можно назвать „польским". В данный период времени практически все захоронения отмечались стелами с надписями, выполненными на польском языке. Исключение – единичный могильный памятник с надписями на латинском языке. „Переходный" этап охватывает краткий промежуток времени с конца 40-х до начала 60-х гг. двадцатого столетия. В начале сороковых были установлены первые надгробия с русскоязычными инскрипциями; на протяжении последующего десятилетия их число постоянно увеличивалось. К середине 50-х гг. соотношение между русскоязычными и польскоязычными надписями достигло паритета и продолжало увеличиваться в пользу русскоязычных. С 60-х гг. XX века русский язык становится доминирующим на католической половине городского кладбища. Число польскоязычных надписей, начиная с этого момента, исчисляется единицами. Обозначенная тенденция постепенного вытеснения польского языка русским наиболее четко прослеживается на примере семейных захоронений, когда на рядом стоящих могильных плитах используются разные языки.

Несколько иная ситуация сложилась на православной части городского кладбища. На ней однозначно присутствует большее языковое разнообразие. Встречаются надгробия, выполненные на разных версиях русского (дореформенной и пореформенной), белорусского, церковнославянского, польского, даже литовского и немецкого языков. Несмотря на отмеченное разнообразие бесспорным фактом

[12] E. Kornacka-Skwara, *Tożsamość narodowa w świetle przemian kulturowych*, „Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Pedagogika" 2011, 20, s. 153–166.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

остается абсолютная доминация русской языковой традиции. Все остальные языки представлены крайне малочисленно.

Со времен вхождения пружанщины в состав Российской Империи сохранились 2 надгробия с надписями, выполненными на польском языке и по одному надгробному камню с инскрипциями на литовском и немецком языках. На еще одной из надгробных плит надписи практически полностью стерты и видимые фрагменты текста на латинице не могут быть интерпретированы.

Белорусский язык в качестве языка надмогильных сооружений появляется лишь начиная с 50-х гг. XX века. Его проявления в значительной мере окказиональные. На месте погребения отца и матери Миколы Засима – родившегося на пружанщине поэта и коммунистического деятеля – казненных немецкими оккупационными властями в 1943 году, в начале 50-х гг. было установлено надгробие, на котором имена усопших и краткая стихотворная эпитафия выполнены на белорусском языке[13]. Белорусскоязычные надгробия встречаются в малом количестве, а их датировка указывает на то, что они начали быть устанавливаемыми не ранее середины пятидесятых годов двадцатого столетия. Каких-либо периодов резкого роста заинтересованности родственников усопших установкой надгробий на белорусском языке установить не удалось.

Несколько иная ситуация сложилась с русскоязычными надгробиями. На явную доминацию русской языковой традиции указывает количественный анализ. В среднем, в исследуемом периоде на 97 русскоязычных надписей приходится лишь 3, выполненные в любом ином языке, кроме русского. Русская языковая культура, на основании норм правописания, может быть поделена на две части – перед и после реформы русской орфографии 1918 года.

Интересным вопросом является тема языковой правильности выполненных надписей. На некоторых захоронениях удалось обнаружить ошибки/отклонения от языковых норм. Подобный факт, между прочим, может указывать на проявление утраты

[13] Вобраз
голуба – татулі
І ў маршчынах
маткі твар
Трапнай
зробяць
маю кулю
І распаляць
помсты жар

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

связи с декларируемой культурой, либо слабый уровень владения письменной формой языка[14]. Данная тема заслуживает отдельного внимания, так как систематичность совершаемых ошибок/отклонений позволяет прояснить культурно-лингвистические изменения на исследуемой территории.

В католической части некрополя отклонения встречаются на надгробиях, выполненных (либо отреставрированных) после окончательного присоединения региона к БССР (т.е. после реформы правописания 1936 года). Более ранние несоответствия (например, с XIX века) стоит признать обыкновенными лингвистическими вариативностями, которые были свойственны для польского языка. Для упрощения анализа, все языковые отклонения было решено поделить на две группы. Первая, это ошибки совершенные при написании имени умершего. Вторая – отклонения от грамматических норм, либо норм правописания в эпитафиях.

В первом случае, в надгробных надписях встречаются типичные фонетические ошибки в способе написания имен и фамилий (например, использование U вместо Ó: Juzef/w вместо Józef; использование отсутствующей в польском алфавите буквы V вместо W; использование Y вместо U: Eydokija вместо Eudokia/ Eudoksja и т. д.). В качестве частого явления также удалось установить отклонение от норм польского языка под влиянием белорусского/русского языков. Для данного случая наиболее характеристичным проявлением стало использование измененного окончания в женских фамилиях оканчивающихся на -SKA. По всей видимости, под влиянием разговорного языка в ряде надписей произошло изменение окончания -SKA на несоответствующее языковой норме -SKAJA. Иным альтернативным выяснением может быть предположение, что данное отклонение является своеобразной декларацией непринадлежности усопшей к полякам, как народу: в восточнославянской традиции женские фамилии, имеющие в польском языке форму окончания -SKA традиционно оканчиваются на -СКАЯ. Однако подобная гипотеза обладает малой вероятностью позитивной верификации. На данный момент гораздо более правдоподобным выглядит предположение о слабом уровне владения жителями Пружан нормами литературного польского языка. Главный аргумент, указывающих на его правильность: подобные отклонения встречаются лишь на надгробиях выполненных/обновленных начиная со второй половины 50-х гг. XX века.

[14] K. Konczewska, *op. cit.*, s. 75–78.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

Еще один элемент, в котором периодически встречаются отклонения от языковых норм – надгробные эпитафии. Несоответствия языковым правилам удалось установить на надгробиях не только с советской эпохи, но и времен вхождения Пружан в состав Польши (стоит подчеркнуть, отклонения были обнаружены на памятниках, установленных уже после соответствующих изменений в нормах правописания). В данном случае достаточно трудно установить первопричину подобного[15]. Объяснение может быть обнаружено как в не владении надгробных дел мастерами польским языком, так и в проникновении в письменный польский диалектизмов, характерных для местности. Еще одним объяснением может стать предположение об обыкновенном копировании более старых надписей, которые были созданы перед реформами грамматики польского языка во второй половине XIX и начале XX века. На надгробных камнях устанавливаемых вплоть до 70-х гг. XX века часто встречающимися являются отклонения типа: pokoj/pokoi вместо pokój, jei вместо jej, s.p. вместо ś.p., duszam вместо duszom и т.п.

Совершенно иной масштаб отклонений от языковых норм представляют инскрипции с захоронений православного обряда. Скудность материалов (малая вариативность надписей и их сведение к ряду стандартных фраз), а также наличие многочисленных ошибок, подтверждают результаты переписей населения о низком уровне грамотности жителей Пружан в XIX и начале XX века. С ростом численности грамотности, инскрипции становились все более обширными. Стоит отметить, – все языковые отклонения от норм русского языка, были обнаружены на памятниках, выполненных до середины 40-х гг. Надгробные тексты с более поздних этапов характеризуются полным соответствием языковым нормам.

По причинам объективного характера большинство русскоязычных надписей с 20–30-х гг. XIX века не дает шанса на точное установление нормы правописания, которой они придерживались. Краткость текстов, которые состояли лишь из дат и имен, широкое применение сокращений типа: „Род.", „Ум.", практически полное отсутствие эпитафий лишает возможности отследить проникновение норм с 1918 года.

Однако, основываясь на способе написания имен и фамилий, в качестве наиболее правдоподобного видится предположение об относительно быстром проникновении измененных стандартов правописания с 1918 года. Это подтверждает проведенный анализ

[15] W. Werenicz, *op. cit.*, s. 170–175.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

используемого алфавита. На памятниках, установленных после 20-х гг., не встречается ряд характерных знаков, таких как: Ъ (на конце слов после согласной), Ѳ, ѣ и т.д.

Типологизация языковых отклонений инскрипций выявила явную доминацию фонетического типа ошибок. Для надгробий установленных перед 1917 годом характеристичными являются следующие ошибки: использование „Ф" вместо „Ѳ" (например, в таких именах, как Ѳедоръ, Агаѳья, Ѳома и т.д.); отсутствие знака „ер" в конце слов, оканчивающихся на согласную (например, Иван, Федор и т.д.); совершение ошибок, связанных с неправильным способом использования буквы „ять" (наиболее частое место проявления – слово „лѣтъ", в значении „годовъ"). Все вышеотмеченное указывает на тенденцию к проникновению в инскрипции разговорной речи[16].

Отдельно стоит отметить, что ошибки в русскоязычных надписях встречаются лишь на надмогильных стелах представителей менее зажиточных слоев населения. В ряде случаев надписи на них были нанесены явно непрофессионально, с помощью подручных средств. Вышеизложенная краткая характеристика основных ошибок позволяет подтвердить факт использования русского языка местным православным населением в качестве языка престижа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении хотелось бы отметить перспективность лингвонекрополистики на территории польско-белорусского пограничья (впрочем, как и любого иного). Территории с традиционно смешанным населением представляют собой великолепное место для компаративного изучения похоронных обрядов и традиций с ними связанных. Полевые исследования при подобном типе сбора материалов не вводят в науку революционных данных, однако позволяют дополнить образ культурно-лингвистических и культурно-конфессиональных трансформаций на примере материальной культуры погребального обряда[17].

[16] Подобное заключение было также совершено в работе: Т.В. Петрова, *Надписи на надгробиях некрополей XIX – начала XX века Беларуси и Поволжья как индикаторы национальной и религиозной идентичности*, „Вестник Костромского государственного университета" 2018, 3, s. 198.

[17] Например: J. Straczuk, *Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi*, Toruń 2006.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

Бесспорно, в вышеизложенном тексте была затронута лишь малая часть обозначенной проблематики. Особенно перспективным видится оставшийся за рамками статьи количественный анализ форм фамилий и более подробное описание частотности их появления на захоронениях разного типа (например, на основании ранжировки согласно социальной принадлежности усопших). Перспективы дальнейших исследований и их расширение на новые территории позволяют надеяться на создание в дальнейшем более полного образа истории белорусских земель и выделения основных направлений взаимного влияния представителей разных культур.

Как нам видится, материалы, полученные в результате ознакомления с пружанским кладбищем, могут стать интересным источником знания для историков. Исходя из стремления к наибольшей объективности, в тексте было сведено к минимуму затрагивание тем, связанных с вопросами этнической и лингвистической принадлежности усопших. Подобная проблематика полноценно может быть описана лишь при проведении полномасштабного исследования с широким применением междисциплинарного инструментария[18].

Отдельно хотелось бы отметить, что уже указанная во вступлении слабая изученность обозначенной проблематики оставила свой след на проведенном анализе. По этой причине он имеет характер общего, лишь создающего рамки для позднейших исследований, так как излишняя концентрация внимания на специфических аспектах вопроса в условиях отсутствия контекста, могла бы привести к оторванности текста от реальности. Проведенный анализ подверг позитивной верификации первоначальную гипотезу о прямой зависимости обряда захоронения с используемым в ритуальных целях языком. Помимо этого, удалось доказать наличие проявлений взаимовлияния католического и православного похоронных обрядов, которые на протяжении долгого времени были тесно связаны с определенными языками (польским и русским). Интересным моментом стало обнаружение значительного числа языковых ошибок (не только грамматических) в инскрипциях, что может свидетельствовать о расхождениях между „языком престижа" и языком повседневной коммуникации. Одновременно с этим исследование выявило факт постоянного повышения „престижа" русского языка, который начиная от середины XX века стал доминирующим на обоих

[18] D. Demski, *„Najważniejsze, żeby pamiętać...". Cmentarz jako źródło do badań tożsamości zbiorowej mieszkańców wsi na Białorusi i ich wyobrażeń na temat śmierci*, „Etnografia Polska" 2000, 44, s. 79–81.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

частях кладбища, практический полностью вытеснив польский язык – традиционный для местных католиков. В ходе исследования удалось выявить однозначную маргинальность местных диалектов в культе погребения (хотя характерные повторяющиеся ошибки свидетельствуют об их влиянии на письменную речь менее образованных слоев населения). Белорусский язык в качестве языка инскрипций появился лишь во второй половине двадцатого столетия и пользовался чрезвычайно малой популярностью.

REFERENCES (BIBLIOGRAFIA)

Studies (Opracowania)

Czyżewski F., *Antroponimia pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego w świetle inskrypcji nagrobnych*, cz. 1, *Słownik nazwisk*, Lublin 2013.

Demski D., *„Najważniejsze, żeby pamiętać...". Cmentarz jako źródło do badań tożsamości zbiorowej mieszkańców wsi na Białorusi i ich wyobrażeń na temat śmierci*, „Etnografia Polska" 2000, 44.

Frankowski E., *Krzyże kamienne i domki drewniane na cmentarzach poleskich*, „Ziemia" 1925, 8.

Hołub-Pacewiczowa Z., *Z geografji prużańszczyzny*, „Ziemia" 1935, 6/7.

Kojder M., *Imiona męskie w inskrypcjach nagrobnych wybranych cmentarzy wschodniej Lubelszczyzny*, w: *Cmentarze po obu stronach Bugu*, red. H. Arkuszyn, F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, Włodawa–Lublin 2014.

Konczewska K., *Uwagi o polszczyźnie inskrypcji nagrobnych na Grodzieńszczyźnie*, „Acta Baltico-Slavica" 2014, 38.

Kornacka-Skwara E., *Tożsamość narodowa w świetle przemian kulturowych*, „Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Pedagogika" 2011, 20.

Kozłowska-Doda J., *Język polski napisów cmentarnych z Białorusi środkowej (rejon dzierżyński)*, w: *Kontakty językowe polszczyzny na pograniczu wschodnim*, red. E. Wolnicz-Pawłowska, W. Szulowska, Warszawa 2000.

Maryniakowa, I., *O języku inskrypcji nagrobnych na północnych Kresach*, w: *Studia nad polszczyzną kresową*, t. 10, red. J. Rieger, Warszawa 2001.

Petrova T.V., *Nadpisi na nadgrobiyakh nekropoley XIX – nachala XX veka Belarusi i Povolzh'ya kak indikatory natsional'noy i religioznoy identichnosti*, „Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta" 2018, 3 [Петрова Т.В., *Надписи на надгробиях некрополей XIX – начала XX века Беларуси и Поволжья как индикаторы национальной и религиозной идентичности*, „Вестник Костромского государственного университета" 2018, 3].

Rozanów M., *Powiat Prużański (szkic historyczny)*, Brześć–Lublin 2011.

Sinchuk I., *Sel'skiy nekropol' Poles'ya: Borisovskoye kladbishche (Kobrinskiy r-n Brest·skoy obl. Respubliki Belarus')*, „Visnyk L'vivs'koho universytetu. Seriya istorychna" 2019, Spetsvypusk [Синчук И., *Сельский некрополь Полесья: Борисовское кладбище (Кобринский р-н Брестской обл. Республики Беларусь)*, „Вісник Львівського університету. Серія історична" 2019, Спецвипуск].

Straczuk J., *Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi*, Toruń 2006.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236

Syadova I., *„Tam, dzye nyama ni bolyu, ni smutku, niplachu...": Pruzhanski pravaslawny nyekropal'*, Brest 2019 [Сядова І., *„Там, дзе няма ні болю, ні смутку, ні плачу...": Пружанскі праваслаўны некропаль*, Брэст 2019].

Syerzhputowski A., *Palyeshuki-byelarusy: etnahrafichny narys*, Minsk 2017 [Сержпутоўскі А., *Палешукі-беларусы: этнаграфічны нарыс*, Мінск 2017].

Tsykhun G., *Polesskiye naruby (lingvoetnicheskiy aspekt)*, w: *Yazyk kul'tury: Semantika i grammatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996)*, red. S. Tolstaya, Moskva 2004 [Цыхун Г., *Полесские нарубы (лингвоэтнический аспект)*, w: *Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)*, red. С. Толстая, Москва 2004].

Werenicz W., *Napisy nagrobne z Kojdanowskiego jako świadectwo stosunków etnicznych, społecznych i wyznaniowych na środkowej Białorusi*, w: *Język i kultura białoruska w kontakcie z sąsiadami: studia poświęcone Antoninie Obrębskiej-Jabłońskiej w stulecie urodzin*, red. E. Smułkowa, Warszawa 2001.

Zaykowski E., *Salyarnaya simvolika*, w: *Mifalohiya byelarusaw: Entsyklyapedychny slownik*, red. S. San'ko, Minsk 2011 [Зайкоўскі Э., *Салярная сімволіка*, w: *Міфалогія беларусаў: Энцыкляпэдычны слоўнік*, red. С. Санько, Мінск 2011].

NOTA O AUTORZE

Stanisław Boridczenko – stypendysta Laboratorium im. prof. Richarda Pipesa działającego przy Instytucie Studiów Politycznych PAN oraz doktorant Instytutu Historii Uniwersytetu Szczecińskiego. Zainteresowania badawcze: polityka pamięci Rosji i Związku Radzieckiego, historia historiografii rosyjskiej wobec „sprawy polskiej" tudzież studia nad granicami i pograniczami Europy Środkowo-Wschodniej.

DOI: 10.17951/rh.2021.52.219-236